

кирилл
рябов

18+

Содержит
нецензурную
брань

ЛИХО

Кирилл Викторович Рябов
Лихо
Серия «Во весь голос»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68844357

Лихо : [сборник] / Кирилл Рябов: ИД «Городец»; Москва; 2023

ISBN 978-5-907641-15-0

Аннотация

Сборник малой прозы составили две повести и рассказ – это жанры, самые органичные языку и фантазии Кирилла Рябова. В них его изобретательность, искусство построения диалогов, звучащих правдивее, чем в реальной жизни, берут новую, доселе еще не достигнутую высоту. Ужас, таящийся в повседневности, дойдя до предела, оборачивается то гротеском, то хоррором, через которые герои, если их можно таковыми называть, обречены шагать навстречу свету.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Лихо

5

Конец ознакомительного фрагмента.

76

Кирилл Рябов

Лихо

© Рябов К. В., 2023

© ИД «Городец», 2023

Дизайн обложки Татьяны Перминовой

* * *

Лихо

*О, мой кот
нас обоих поймали
в полиэтиленовый мешок.
Егор Летов*

Они явились днем, перед обедом. Выдрин заливал кипятком лапшу в контейнере, когда в дверь позвонили. Сначала длинно, затем несколько раз коротко, резко. И сразу начали стучать. Выдрин замер с чайником в руке посреди кухни. Он подумал о пожаре. Хотя дымом не пахло. Потом он подумал о лопнувшей трубе и мокрых соседях, живущих этажом ниже. Мелькнула даже безумная мысль о бывшей жене. Может, вспомнила спустя два года о затерянных под кроватью трусах и прибежала возвращать? Закрыв контейнер крышкой, он поставил чайник и вышел в прихожую.

– Открывайте немедленно! – крикнули из-за двери.

Выдрин посмотрел в глазок. На площадке стояли трое.

– Мы знаем, что вы дома, – сказал тот, который стоял ближе других. – Мы слышим музыку.

Из колонки играл Franz Ferdinand. Выдрин машинально сунул руку в карман штанов, нащупал смартфон и убавил громкость.

– Если вы не откроете, вынесем дверь. Не создавайте себе лишних проблем.

Выдрин несколько раз повернул колесико замка. Дверь тут же грубо распахнулась. Они вошли, оттеснив его вглубь прихожей. Впереди оказался невысокий, жирный мужик, с одной сплошной черной бровью. Она напоминала дохлую сколопендру, прилепленную к узкому лбу.

– Капитан Черненко, управление «Ч», – сказал он и показал удостоверение.

Двое других тоже достали удостоверения.

– Старший лейтенант Шмурнов, – представился рыжеватый крепыш.

– Младший лейтенант Синявский, – добавил третий, молодой и худощавый, похожий на стажера.

Немного судорожно Выдрин попытался заглянуть во все удостоверения, но не успел толком прочитать ни одно. Мелькнули печати, фотографии в мундирах, размашистые подписи. Потом удостоверения были убраны.

– Выдрин Александр Иванович? – спросил Черненко.

Сколопендра шевельнулась. Будто ожила.

– Да, – выдохнул Выдрин. – А что случилось?

– Не делайте, пожалуйста, резких движений, держите руки на виду, – сказал Шмурнов.

– Я не делаю, держу. А в чем дело?

– Где он? – спросил Черненко, глядя исподлобья.

– Кто?

Выдрин подумал о своем дошираке.

– Не надо прикидываться дураком, – добавил Шмурнов. –

Ведь все равно никуда не денется. А вас привлечем за укрывательство.

– Да о ком речь-то? Объясните мне.

Он вспомнил своего спившегося друга Диму. Тот лежал в дурдоме. Потом вспомнил бывшего тестя, страдающего недержанием кишечных газов. Страдающего ли? Тот жил в области. О ком еще может идти речь? Отец умер. Брат эмигрировал. Жена ушла. Директор на прошлой неделе назвал его кретином. Ну и жизнь.

– Проверить помещения, – скомандовал Черненко. – А вы стойте на месте, Выдрин.

В квартире было две комнаты. В одну зашел Шмурнов. В другую Синявский. Черненко продолжал не мигая глядеть из-под брови. Выдрину было смешно и страшно.

– Извините, – пробормотал он. – Но я и правда не понимаю, что происходит. Вы не могли бы объяснить?

– Чуть позже вам все объяснят, – сказал Черненко.

– Здесь! – раздался из спальни юношеский голос Синявского. – Он тут, тут!

– Идемте.

Из гостиной вышел Шмурнов, почесывая нос дулом пистолета.

– Убери, – сказал Черненко.

Они зашли в спальню. Синявский показывал пальцем на кровать.

– Вот он, голубчик, дрыхнет. А я говорил, они днем дрых-

нут, а ночью бесятся.

– Фу, какой мерзкий, – скривился Шмурнов.

Выдрину стало обидно. «Козел», – подумал он.

Посреди кровати, свернувшись калачиком, спал выдринский кот Диего породы донской сфинкс, похожий одновременно на рептилию и старичка.

– Игорь, понятых! – скомандовал Черненко.

Радостно засопев, Синявский вышел. Шмурнов наклонился к коту и громко сказал:

– Встать!

Диего приоткрыл недовольные зеленые глаза.

– Управление «Ч», – продолжал Шмурнов. – Вы задержаны!

Выдрин захохотал. Черненко повернулся к нему и спросил сквозь зубы:

– Что смешного, Выдрин?

– Ну, это... Это шутка? Розыгрыш?

– Обхохочешься скоро, – ответил Шмурнов, выпрямляясь.

– Кем вы приходитеесь задержанному? – осведомился Черненко.

– Он мой кот, – ответил растерянно Выдрин.

– Кем ему приходитеесь вы? То, что он кот, мы видим.

– Так это... Он тут у меня живет... Я его хозяин вроде как...

– Нет такого юридического статуса «хозяин», только при

рабовладельческом строе, – сказал Черненко.

– И в БДСМ, – добавил Шмурнов. – Он не хочет вставать, Леша. Вязать?

Выдрин охнул.

– Погоди, – сказал Черненко. – Он вам не родственник, правильно?

– Ну я же человек все-таки.

– Значит, он ваш сожитель?

– Не знаю, наверно.

– Так и запишем в протокол.

Вернулся Синявский в компании двух юношей.

– Где его вещи? – спросил Черненко.

Диего тем временем встал, выгнул спину и потянулся. Потом позевал и снова лег.

– Ну, у него нет вещей. Игрушки только.

– Где они?

– Ну, я не знаю. Он их куда-то загнал, под кроватью, может.

– Игорь! – рявкнул Черненко.

Синявский встал на четвереньки и, светя фонариком смартфона, заглянул под кровать.

– Тут мячик, лягушка какая-то,дохлая мышь, а, нет, игрушечная... А еще кучка говна.

– Вы что, не убираете за сожителем? – спросил Черненко.

– Ну, не успел. Вообще он к лотку приучен.

– А что вы нукаете все время?

– Ну...

– Хватит! Игорь, доставай все. Понятые, внимание!

– Говно тоже доставать?

– На экспертизу.

Синявский натянул голубые латексные перчатки и полез под кровать. Выдрин растерянно смотрел на его откляченный тощий зад. Потом, чувствуя себя участником шизофренического представления, спросил:

– А в чем его обвиняют?

– Узнаете, когда вас вызовут, – сказал Черненко.

Синявский раскладывал в пакеты подкроватное содержимое. Шмурнов внимательно смотрел на кота.

– Где его документы?

– Да у него и не было никаких документов, – пожал плечами Выдрин.

– Совсем никаких?

– Ну... Извините. Есть ветеринарный паспорт.

– Сюда давайте.

Выдрин выдвинул ящик стола, порылся и достал синий буклетик. Шмурнов выхватил.

– Ишь ты! Диего, значит? В честь Марадоны, что ли?

– Нет-нет. В честь художника.

– Кастрирован? Ага, вижу. Прививки тоже...

Он убрал паспорт во внутренний карман.

– А, – сказал Выдрин. – А.

– Что вы акаете?

– А это точно не ошибка?

– Никакой ошибки.

– Но он же ни в чем не виноват.

– Следствие разберется.

– Следствие?

– А дальше – суд. Все, забираем.

– Постойте, – сказал Выдрин. – А...

– Переноску, блядь, в машине оставил, – перебил Шмур-

НОВ.

– Игорь!

Синявский выпрямился.

– Соловьев, сгоняй.

Один из юношей шустро выскочил из комнаты.

– Вы его правда, что ли, забираете? – спросил Выдрин.

Он глядел по очереди на всех – Диего, Шмурнова, Синявского, Черненко, оставшегося понятого. Тот зевал, раздув ноздри.

– Никаких шуток. Дело очень серьезное. Вам, Александр Иванович, советую не чинить препятствий. Иначе мы применим спецсредства. Это первое. Второе – уголовное дело за оказание... Как там, Вить?

– Ай, – отмахнулся Шмурнов. – Бла-бла-бла. Есть хочу. Обедать пора.

– Верно! Сейчас сдадим клиента и похаваем.

– Я в это просто не верю, – сказал Выдрин.

Никто не ответил. Вернулся понятой с сумкой-перенос-

кой. Шмурнов протянул к Диего руки.

– Стойте, пожалуйста! – закричал Выдрин. – Ну пожалуйста! Ну послушайте же... Это же что-то... Да это же... Да такого не может быть же...

– Же-же-же, блядь, – процедил Черненко. – Вы филолог, что ли? Лингвист?

– Нет. Все. Я не дам вам...

– Игорь!

Синявский подскочил, неловко, но болезненно выкрутил руку и прижал Выдрину головой к полу. Дышать стало тяжело. Налитыми кровью глазами Выдрин смотрел снизу, как Шмурнов схватил Диего за шкуру и засунул в сумку-переноску. Кот заорал и оскалил клыки.

– Перестаньте, – простонал Выдрин. – Он же боится...

– Это хорошо, – ответил откуда-то сбоку Черненко. – Но неправильно. Закон надо уважать, а не бояться.

Выдрин в последний момент сдержался и не назвал их козлами. Синявский отпустил руку. Она, потеряв чувствительность, болталась как плеть.

– Будем считать, что это недоразумение, – сказал Черненко. – Мы ведь тоже умеем быть гуманистами, Александр Иванович.

Потом они ушли.

Выдрин сидел на полу, баюкая руку и глядя в угол комнаты. Там стоял пустой кошачий лоток.

«А нагадил под кровать, подлец», – промелькнула мысль.

От этой мысли стало больно. Будто проглотил кусок стекла и тот медленно опустился в желудок, обдирая горло и пищевод. Выдрин перевел взгляд на окно. Подоконник был пуст. Диего любил сидеть там вечерами, когда солнце шло к закату и освещало комнату. Грелся. А еще на этом подоконнике Выдрин как-то раз занимался сексом с женой. И она чуть не выдавила спиной стекло. Оно треснуло. Пришлось вставлять новое. Это делал пожилой тощий дядька, от которого воняло уксусом. Или кошачьей мочой.

Из прострации Выдрин вывел звонок смартфона.

– Александр Иванович! Климов повесился! – раздался юношеский голос.

– Какой Климов? Кто это говорит?

– Миша Капустин, ваш ученик. Вы что, не узнали?

– А Климов – кто?

– Так это же тоже ваш ученик! Юра Климов! Мы вместе учимся у вас! Вы забыли?

Выдрин вспомнил. Действительно, оба – его ученики. И что делать?

– Так, – сказал он. – И что делать?

– Кому? – спросил Миша Капустин.

– Мне.

– Не знаю. Я просто позвонил сообщить...

– Спасибо, – сказал Выдрин.

– Пожалуйста.

Некоторое время они молчали.

– До свидания, – произнес наконец Миша. – До понедельника.

– До свидания, – ответил Выдрин. – До понедельника.

Когда боль в руке утихла, он встал и вышел на кухню. Лапша распухла, размякла и выглядела так, будто ее уже переварили. Из колонки пел Дэвид Боуи. Выдрин вывалил лапшу в унитаз, а контейнер выбросил в мусорное ведро. Потом достал смартфон и позвонил Лене, своей любовнице.

– Саша, – сказала она. – Что-то случилось? Мы же завтра встречаемся.

– А сегодня можем? – спросил Выдрин.

– Нет, сегодня я с детьми. А завтра их муж заберет на три дня. И я буду свободна. Ты забыл?

Выдрина всегда раздражало, что она называет бывшего мужа просто «муж», не добавляя «бывший». Он постоянно делал замечания. Но сейчас не придавал этому значения.

– Я помню, – сказал Выдрин. – Просто подумал... Кое-что случилось.

– Серьезное?

– Странное. Я не знаю, что делать.

– Не трогай! – сказала Лена. – Извини, я не тебе. Глеб мою косметичку утащить хочет. Так что ты говорил?

– Ты можешь приехать? – спросил Выдрин.

– Саш, говорю же, я с детьми.

– А можно я приеду?

– Ну Сашенька, мама вот-вот придет. Не надо, чтобы она

тебя видела. Ты же знаешь.

– А она может с детьми остаться?

– Нет. То есть может. Но она спросит, куда я поехала на ночь глядя. Саш, ты чего? Все забыл?

– Помню. Ладно.

– Скажи, что случилось?

– Не знаю, как сказать. В общем, тут сейчас пришли люди из полиции и арестовали Диего, моего кота. Ты его знаешь.

Лена молчала. На заднем плане слышался детский смех.

И Выдрин, как всегда, чуть-чуть заревновал.

– Вот, – вздохнул он. – Такие дела. Сунули его в переноску и унесли. И я не знаю, что теперь делать.

Лена продолжала молчать.

– Я растерялся, честно говоря. Они ворвались. Я думал, за мной. Хотя я-то ни в чем не виноват. Но мало ли. А забрали кота. Мне чуть руку не сломали. Может, адвокату позвонить? У тебя есть знакомый адвокат?

– Саш, – сказала Лена. – Ты покурил что-то? Или понюхал?

– Ну приехали! Лен, ты что! Когда я... Ты хоть раз видела?

– Тебе Дима что-то дал?

– При чем тут Дима? Кота забрали! Сунули в сумку и унесли. Какое-то управление «Ч». Я ни разу не слышал о таком.

Выдрин смутился и замолчал.

– Сашенька, ты можешь вызвать кого-нибудь? Врача? Или

твоей маме позвонить? Я бы приехала, правда. Но не могу детей оставить. Завтра обязательно приеду. Сейчас тебе нельзя быть одному.

– Да господи ты боже мой! – закричал Выдрин. – Да что же это такое! Почему ты меня не слушаешь? Почему ты мне не веришь?

– Сашенька, успокойся! Я слушаю! И верю!

– Ага, конечно! Я заметил!

Они замолчали. И только дышали друга на друга в телефоны. Он враждебно и обиженно. Она испуганно.

– Ладно, – сказал Выдрин. – Завтра приедешь, сама увидишь. Если приедешь, конечно.

И отключился, не дав ей ответить. Немного подождал. Из колонки пел Моррисси. А Лена не перезвонила.

Выдрину слегка поплохело. Он чуть сам не перезвонил ей. Даже собрался первым делом соврать, что случайно нажал ухом отбой. Но сдержался. Позвонить маме? Он позвонил маме.

– Мама, – сказал Выдрин. – Это я.

– Шурочка, как ты вовремя. В начале ноября мы с Владимиром Романовичем летим на две недели в Грецию. Ты сможешь приходить к нам и поливать его диффенбахию?

– Но это же еще не скоро, – сказал Выдрин.

– Хотелось бы знать заранее.

– Да, смогу.

– Спасибо, мой хороший! Владимир Романович шлет тебе

привет.

– Молча?

– Что – молча?

– Я не слышал сейчас, чтобы он мне привет передавал.

– Ах ты такой шутник!

– Да, я такой. И у меня кота арестовали.

– О-хо-хо! А-ха-ха-ха! У-у-ху-ху-ху! Хе-хе-хе! Хихи! Санечка, приходи на той неделе ужинать к нам. Владимир Романович приготовит голубцы в конвертиках.

– Не знаю, смогу ли. Много работы. Надо готовиться к районной выставке. Да, а еще мой ученик повесился. В общем, забот хватит.

– Береги себя, Санечка. Созвонимся.

– Да, мама. Целую тебя.

До того как отключиться, он успел услышать:

– Вовик, тебе от Санечки привет.

– Какое счастье, – ответил Вовик.

Из колонки запела Лана Дель Рей.

– Ланочка, – пробормотал Выдрин и улыбнулся.

Он сходил в «Магнит», купил бутылку «Талки» и быстро напился. Стал бродить по квартире, задевая стены и бормоча ругательства. Потом немного поплакал. Но слез почему-то не было. Лишь глаза слегка зачесались. Умыв лицо, Выдрин лег на кровать, поставил рядом ноутбук и включил концерт The Cure. Музыка не утешала. Он осоловело смотрел на покрытое макияжем одутловатое лицо Роберта Смита, испол-

нявшего песню «One hundred years».

– Да уж, – пробормотал Выдрин.

И уснул.

Его скинули с кровати грубые мужичьи руки, больно вцепившиеся в волосы и ворот рубашки. Человек с одной сплошной бровью навис над ним и заорал:

– Не шевелиться, падаль!

Выдрин попытался ответить, что не шевелится, но рот будто глиной забили.

– Кот дал показания! – продолжал человек. – Умный оказался. Но мы все равно его повесим. И тебя повесим.

– За что? – с трудом выговорил Выдрин.

Было ощущение, что он пытается говорить под водой. Человек наклонился. У него было лицо сожителя матери, Владимира Романовича.

– За ноги, – сказал он жарким шепотом.

Бровь возбужденно задрожала.

– Голова твоя нальется кровью и лопнет.

– Помогите, – пробормотал Выдрин.

И проснулся.

Кто-то длинно звонил в дверь. За окном светило солнце. Хотя засыпал он в потемках. Ноутбук почему-то показывал порнографию: белый лысый мужик и толстая негритянка сплелись в позе 69. Выдрин слез с кровати и, опираясь о стену, доковылял в прихожую. Смотреть в глазок было страшно. Но он себя пересилил. И тут же открыл дверь. Вбежала

Лена, размахивая смартфоном.

– Ты чего трубку не берешь? – закричала она. – Я чуть не чокнулась.

Выдрин попытался обнять ее. Лена отстранилась.

– Я не слышал. Рано уснул. И проспал все на свете.

– Фу, – сказала она. – Иди хоть умойся. И зубы почисти.

Перегаром за километр несет.

– Только не уходи, – попросил Выдрин. Убежал в ванную и еще раз крикнул оттуда: – Не уходи, я быстро!

– Да не уйду я никуда, – отозвалась Лена.

Он тщательно умыл набрякшее лицо. Два раза почистил зубы и язык. И оба раза чуть не сбил.

Лена ждала на кухне. На конфорке грелась турка с кофе.

– Саш, а ты чего вдруг нажрался? – спросила Лена, когда он вышел.

– Мне было плохо. Кота забрали. Ты не едешь. Маме позвонил, она вообще ничего не слышит.

Выдрин обреченно махнул рукой.

– Ты знаешь, почему я не приехала, – сказала Лена. – Я не могла. А если бы даже смогла. Чего мне ехать? На тебя пьяного смотреть?

– Но я трезвый был! Это я потом уже с горя не рассчитал.

– Ну с какого еще горя? Я приехала. И кот найдется.

– Да как он найдется, когда его арестовали?!

– Саш, перестань чушь молоть!

– Это не чушь. Не веришь, сходи и сама посмотри. Его

нет! Арестован!

Лена прикрыла глаза ладонью.

– А еще ученик мой повесился вчера.

– Господи! Ужас какой! Почему?!

– Не знаю. В понедельник выясню.

– У тебя могут быть проблемы из-за этого?

– Понятия не имею. Не должно быть. Честно говоря, когда позвонили, я даже не сразу понял, о ком речь.

Лена налила две чашки кофе.

– Останешься? – спросил Выдрин.

– Ну если не выгонишь, останусь.

– Мне сейчас очень плохо.

– Не переживай, все наладится. Я рядом.

– Спасибо, любимая.

Потом они пили кофе. Лена что-то рассказывала про детей, про бывшего мужа, про маму, про свекровь. Выдрин слушал вполуха.

– Пойдем? – спросил он, когда она выговорилась.

– Сначала я в душ.

Выдрин ушел в комнату. Выключил ноутбук, который продолжал все это время показывать порнографию. Потом застелил кровать чистой простыней. Пришла Лена. На ее ключицах лежали капельки воды.

– Милая, – прошептал Выдрин и потянулся к ней.

Его переполняла нежность и похмельная сентиментальность. Но у него ничего не получилось. С ощущением тщет-

ности он целовал и гладил ее тело. Потом Лена сосала и мяла его вялый член. Выдрин смотрел на ее макушку, но испытывал лишь смущение и растерянность. Вскоре ей надоело. Сев по-турецки, Лена большим и указательным пальцем пыталась снять с языка прилипший волос.

– Сиди так, – сказал Выдрин.

– Ой, Саш, не надо, – ответила она.

Но он достал из ящика стола альбом, карандаш и быстро накидал эскиз – голая Лена сидит по-турецки, правда, руки лежат на коленях. Показал ей.

– Симпатично, – сказала она, посмотрев мельком. Пару лет назад это приводило Лену в восторг. С тех пор Выдрин нарисовал десятки ее портретов. А больше удивить было нечем.

– Чем займемся? – спросила она.

– Идей у меня нет, – сказал Выдрин. – Слушай, наверно, нужно искать адвоката. У тебя нет знакомых?

Лена пожала плечами:

– Вроде нет. А зачем тебе адвокат? Это из-за того мальчика, который повесился? Все-таки, думаешь, будут проблемы?

– Да нет же, адвокат нужен коту. Я так понял, его станут судить.

– Ой, ну все! – Лена слезла с кровати. – Надоело этот бред слушать.

И стала, сопя, одеваться.

– Ты куда? – спросил Выдрин.

– Домой. Чего мне тут делать?

– Но почему ты мне не веришь?! Ты ведь сама видишь, его нет.

– Да, да. Он в тюрьме. Его ФСБ арестовала. Я слышала.

– Ну да, – пробормотал Выдрин. – Правда, не уверен на самом деле, что это ФСБ. Какое-то управление «Ч». Могут быть и менты.

Лена вышла из комнаты. Выдрин натянул штаны и выбежал следом.

– Куда ты?

– Саш, мне не по себе. И страшно.

– Бросаешь меня? – закричал Выдрин.

– Нет. Просто ухожу.

– А мне что делать?

– Успокоиться. Собраться с мыслями. Отдохнуть.

– От чего мне отдыхать?

– Тебе виднее. Что тебя беспокоит?

– Кот.

– Открой, пожалуйста, дверь.

– Ладно, – сказал Выдрин, напрягая живот, чтобы не дрогнул голос. – Хорошо.

Он повернул колесико замка. Лена выскользнула на лестничную площадку. На мгновение замедлилась.

– Береги себя.

И побежала вниз по лестнице.

– От чего мне себя беречь? – крикнул вдогонку Выдрин.

Лена, конечно, не ответила. Спустившись на пару этажей, она вызвала лифт. Из-за мусоропровода, шаркая, вышел старик с мусорным ведром. Это был сосед сверху.

– Здравствуйте, Илья Абрамович, – сказал Выдрин немного истерично. – Вы моего кота не видели?

– Кота? – спросил старик удивленно и поднялся на свой этаж.

Оставалось примерно двести грамм «Талки». Но Выдрин переборол желание утопить мозг в дофамине. Ушел в комнату и стал отжиматься. Получилось шесть раз. Потом он шлепнулся грудью и животом об пол и некоторое время лежал, разглядывая пыльный паркет.

«Господи, неужели я никому не нужен?» – подумал он, вытянул шею и посмотрел на потолок.

Послышалось тихое жужжание. Выдрин встал и вытащил из-под подушки смартфон. Номер был скрыт. Но он ответил.

– Александр Иванович, капитан Черненко беспокоит. Виделись вчера.

– Я вас помню, – сказал Выдрин.

И чуть не добавил: «Вы мне даже приснились».

– Завтра часикам к двум подойдите в управление. Есть кое-какие вопросы по вашему сожителю.

– Он не сожитель. Он мой кот.

– Это мы уже обсуждали. Запишите адрес. Пропуск будет у постового на входе.

Черненко продиктовал, и Выдрин торопливо записал в подвернувшийся альбом с рисунками. На животе Лены. Затем заштриховал ей промежность и стиснул карандаш. Но сломать не получилось.

– Скажите, что с ним? Как он себя чувствует? Его кормили?

– Завтра все узнаете.

– А нельзя ли прийти позже? – спохватился Выдрин. – У меня как раз до двух занятия.

– Александр Иванович, постарайтесь не опаздывать, – ответил Черненко.

И отключился.

Ночью Выдрин то и дело подскакивал, хватал смартфон и смотрел время. Казалось, что прошла целая вечность и он упустил нечто важное. Но каждый раз оказывалось, что прошло не больше часа. До утра оставалось еще долго. Сны были короткие, безумные. В одном из них голая Лена лежала на кровати в обнимку с Диего. Кот щурил довольные глаза.

– Что происходит? – спросил Выдрин.

Лена посмотрела на него насмешливо:

– Не будь дураком, Саша. Это всего лишь кот.

В другом сне Выдрин бегал по потолку и никак не мог спуститься. У него кружилась голова. И перехватывало дыхание. Он беспомощно подпрыгивал сверху вниз и тянулся к полу. В комнату вошел лысый человек. Выдрин видел лишь его темя. Побродив из угла в угол, человек остановился и по-

смотрел вверх. У него было гладкое лицо без бровей и ресниц. Оно напоминало маску. Человек протянул руку. Выдрин закричал и проснулся. Он лежал на краю кровати, свесив голову. Будильник играл песню «Say it» группы Blue October. Утро было солнечным.

На работе Выдрин первым делом зашел к завучу. Это была полная пятидесятилетняя женщина. Звали ее Ирина Михайловна Пряник. Она носила пепельное каре и душилась приторно-сладкими духами, от запаха которых щекотало в носу. Выдрин несколько раз слышал, как ученики называли ее за глаза «сиськастая». Кажется, она об этом знала.

– Мне нужно уйти с двух последних уроков, – сказал Выдрин.

– Саша, – сказала Ирина Михайловна.

– Что?

– Вы же знаете, заменить вас некому. Вы единственный учитель ИЗО.

– Дело срочное. Неотложное.

– Вы женитесь?

– Нет, – ответил Выдрин и с тоской подумал о Лене.

– У вас кто-то умер?

– Никто не умер.

– Тогда, мне кажется, дело не такое уж срочное. Вы же знаете, скоро выставка...

– Меня вызывают в полицию, – сказал Выдрин.

Ирина Михайловна придвинулась вплотную.

– Что вы натворили, Саша? – спросила она шепотом.

– Я ничего не натворил. Это даже не связано с самоубийством Миши Капустина.

– Каким еще самоубийством Капустина? Что вы такое говорите? Я его видела пять минут назад.

– Правда? Господи, ну хоть это оказалось ошибкой. Видимо, меня разыграли.

– Кто разыграл?

– Не знаю. Мне позвонили и сказали, что Миша Капустин повесился.

– А кто звонил?

– Кто-то из учеников. Я даже не сразу узнал его. Не важно. Ирина Михайловна, отпустите меня. Это очень важно.

– А у вас есть повестка?

– Нет.

– Как же так?

– Задержан кое-кто из моих близких. Я должен выяснить, в чем дело. Вчера мне позвонили...

– Опять позвонили?

– Ну да.

– Может, тоже розыгрыш?

– Нет, это не розыгрыш. Его задержали при мне. А потом позвонил следователь и сказал, чтобы я пришел.

– Поклянитесь, что вы ни в чем не замешаны, – сказала Ирина Михайловна.

– Клянусь своим здоровьем.

– Но только принесите из полиции справку, что вы были у них, и какую-нибудь расписку, что вы ничего не совершили.

– Я спрошу, конечно.

– Хорошо. Два последних урока отменим у вас.

– Спасибо, Ирина Михайловна.

Выдрин наклонился поцеловать её руку. Она засмушалась, дернулась, и он чмокнул ее часы.

– Ступайте, – сказала Ирина Михайловна.

Она заметно покраснела. Выдрин вышел из кабинета. Настроение улучшилось. Он открыл «Телеграм». Сообщений не было. Лена последний раз была онлайн вчера днем. Он заволновался. И снова стало тошно.

Его последний урок был у класса, в котором учился Миша Капустин. Когда прозвенел звонок, а ученики затихли, Выдрин спросил:

– Миша Капустин пришел?

– Я тут.

Встал высокий и худенький печальный мальчик с длинными светлыми волосами.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Выдрин.

– Не очень, если честно.

– Но ты здоров?

– Ну, здоров.

– Прекрасно! А то мне тут позвонили и сказали, что ты повесился. Ужас, правда? Кто бы это мог быть? Не знаешь?

Миша всхлипнул:

– Это я вам звонил, Александр Иванович. Повесился не я, а Юра Климов.

Выдрин слегка привстал и тут же плюхнулся назад на стул.

– Да что ты такое говоришь, Мишенька?

– Это я вам звонил. Повесился не я, а Юра Климов, – послушно повторил Миша.

Класс молчал. Выдрин отчетливо слышал стук своего сердца. И, казалось, все слышат. Он даже приложил руку к груди.

– Александр Иванович, вам плохо? – спросила Ника Некрасова.

– Ты ведь не шутишь? – спросил Выдрин.

Миша качнул головой. Вдруг сморщил лицо и заплакал.

– Сядь. Так что, он умер?

– Еще как, – ответил с задней парты Саша Иванов.

– А почему?

– Почему умер?

– Да нет же! Зачем он это сделал?

– С бабой поругался.

– С какой еще бабой? – спросил Выдрин. – Вы чего? Вам же по четырнадцать лет.

– Мне пятнадцать уже, – сказал Саша.

– Потому что ты – дебил, – ответили ему.

– Слышь, пизда!

– Тихо! – крикнул Выдрин. – Начинаем урок. Так. Значит. На чем мы в прошлый раз остановились? Отличие сюжета от

содержания?

– Он два дня висел в гараже, вытянулся как макаронина, – вставил Саша.

Накатила невыносимая тошнота.

«Заткнись», – подумал Выдрин.

И вяло спохватился, не сказал ли это вслух.

– Александр Иванович, давайте объявим минуту молчания, – предложила Ника.

Она сидела за первой партой, прямо перед учительским столом, но голос ее звучал откуда-то издалека.

– Да, правильно. Минута молчания.

Выдрин встал. И дети встали, громко двигая стулья. Потом где-то сзади раздался смешок, послышалась возня.

– Але, пидрила.

– Сам пидрила.

В класс зашла бледная Ирина Михайловна. Кажется, она даже похудела.

– Сейчас позвонили...

– Мы уже знаем, – сказал Выдрин. – Вот, минута молчания.

– Это правильно, – ответила завуч. – Да. Леонид Георгиевич был прекрасным человеком и замечательным директором. Это большая утрата для всех нас.

Кто-то сказал «воу».

Выдрин приоткрыл рот, закрыл, опять приоткрыл и кое-как выдал:

– А мы по Юре Климову. Это он повесился, а не Миша Капустин.

– Что? – переспросила Ирина Михайловна.

Глаза у нее затуманились. Она покачнулась. Выдрин успел подхватить ее за подмышки. Кофточка на Ирине Михайловне задралась, обнажив похожие на тесто, большие, белые бока. Ноги подкосились. Он сумел усадить ее на стул.

– А директор тоже повесился? – спросил Саша.

– Помолчи, – слабо ответила Ирина Михайловна.

– Давайте в медпункт сходим.

Завуч посмотрела на него глазами испуганного ребенка.

– Давайте, давайте. Ника за старшую. Открывайте учебники, читайте сегодняшнюю тему.

Он помог Ирине Михайловне встать и, придерживая за плечи, вывел из класса. В коридоре ей стало чуть лучше. Она сказала:

– Какой-то ужас. Мне сказали, он вчера пошел в зоопарк и каким-то образом упал к белому медведю. И тот его, конечно, не пощадил.

– Может, тоже розыгрыш? – сказал Выдрин.

– Почему «тоже»? С вашим учеником подтвердилось, как я поняла. Ох, будет нам взъебка!

Выдрин никогда не слышал от нее таких слов и смущенно кашлянул.

В медкабинете было светло, прохладно и пахло чем-то горьким. Медсестра уложила Ирину Михайловну на кушет-

ку и достала аппарат для измерения давления. Выдрин топтался рядом.

– Саша, простите, что пришла к вам. Но вы мужчина. Мне нужна была мужская поддержка.

– Сейчас не разговаривайте, – вмешалась медсестра.

Она застегнула манжет на руке завуча и качала грушу.

– Ничего страшного, Ирина Михайловна. Но только я не единственный же мужчина. Есть еще учитель труда Сергей Павлович...

– Ну какой он мужчина?! Он хам и пьяница.

– Не разговаривайте же, – сказала медсестра. – Теперь заново придется.

Завуч прикрыла рот рукой. Медсестра посмотрела на экранчик аппарата:

– Сто двадцать на семьдесят. А сердце не болит?

– Дайте мне валерьянки или корвалолу. Саша, ступайте в класс. Оставшиеся уроки отменим. Проведем совещание коллектива.

– Хорошо, – сказал Выдрин. – Только вот мне надо уйти, помните?

– Куда?

– Мы утром говорили. О моем деле.

– А, что вас к следователю вызвали? Я совсем забыла.

Выдрин издал невнятный утвердительный звук. Медсестра невозмутимо капала в стакан корвалол. Или валерьянку. Ирина Михайловна тяжело села. Выдрину показалось, она,

как может, втягивает живот.

– Безумие! Зачем он поперся в зоопарк? И как он к этому медведю свалился? Мне сказали, то, что осталось, собирали из воды сачком.

– Простите, – перебила медсестра. – А о ком речь?

– Директор погиб, – ответила завуч. – Его медведь задрал.

– Надо же. Прямо как моего тестя. Правда, того не медведь, а кабан. Тесть, главное, не охотник. За грибами пошел. Ужас, что творится!

Медсестра покачала головой и протянула стакан.

Выдрин вернулся в класс. Из-за двери он слышал галдеж, но когда зашел, все замолчали. Он сел.

– Думаю, продолжать урок нет смысла. Все в шоке. Давайте посидим и помолчим.

Некоторое время все просто сидели, а потом стали потихоньку доставать смартфоны. Достал и Выдрин. Лена заходила в «Телеграм» шесть минут назад. Он испытал облегчение. И тут же злость, обиду и ревность. Искушение написать ей что-нибудь он поборол с большим трудом.

Прозвенел звонок, и дети начали торопливо собираться.

– А завтра будет урок? – спросила Ника.

– Ну да, почему нет? – ответил Выдрин. – Жизнь продолжается, несмотря ни на что.

– Не у всех, – обронил Саша, проходя мимо.

«Скотина, – подумал Выдрин. – Но он прав».

Накатила противная слабость. Он вдруг понял, что два

дня ничего не ел. Последнюю трапезу прервали сотрудники управления «Ч». Потом была водка. Потом Лена. Аппетита никакого, конечно, не было. И сейчас он не появился. Просто слегка потемнело в глазах, задрожали руки, и на спине выступил липкий пот. Выдрин заглянул в ящик стола, не затерялась ли там конфета или шоколадка. Но нашел лишь порнографический рисунок на листе А4. Его преподнес Саша Иванов на прошлом уроке. Мужчина, лицом похожий на Выдрину, совокуплялся с гигантской женской головой, у которой вместо рта была вагина, а вместо глаз груди с торчащими сосками. Исполнено было недурно, даже талантливо. И все равно Выдрин собирался выбросить рисунок. Но положил в стол, отвлекся и забыл.

Он свернул лист на четыре части, сунул в задний карман и вышел из класса. В коридоре его ждала Ника.

– Ты чего-то хотела? – спросил Выдрин, запирая дверь.

Она чуть пожала плечами:

– Просто хотела сказать, чтобы вы сильно не переживали.

А то у вас такое лицо, будто живот прихватило. Все будет хорошо. Сами увидите!

– Ну да, ну да, – пробормотал он.

– Вы очень хороший, Александр Иванович. Не расстраивайтесь, ладно?

Он попробовал улыбнуться, вышло, кажется, так себе.

– Ник, занеси, пожалуйста, журнал с ключами. Мне совсем некогда. Надо бежать.

– Хорошо, – сказала она. – Занесу.

– Погоди. Слушай, у тебя нет какой-нибудь конфеты или шоколадки? Я откуплю.

Ника достала из рюкзака пару батончиков:

– Угощайтесь. Не надо откупать ничего.

– Спасибо, – сказал Выдрин. – Знаешь, столько всего навалилось за эти дни. Голова кругом. Меня будто растащили. И надо как-то собраться.

Он подумал, что негоже тридцатипятилетнему мужику вываливать свои проблемы на голову четырнадцатилетней девочки. И умолк. Хотя Ника, кажется, готова была послушать.

– Ладно, пока. До завтра!

– До завтра, – отозвалась она.

Выйдя из школы, Выдрин вызвал такси. Дожидаясь машину, он неспешно прогуливался туда-сюда и ел батончик. Мимо прошли старшеклассники с сигаретами в руках.

– Приятного аппетита, – крикнул один насмешливо.

Выдрин смущенно отвернулся, достал смартфон. Сердце забилось. Лена прислала сообщение – грустный смайлик.

«Я соскучился», – тут же написал он.

И добавил: «Очень сильно».

И еще: «Мне плохо без тебя».

А потом: «Когда мы увидимся?»

Она долго что-то писала в ответ. Выдрин таращился в экран. От напряжения у него заломило виски. Но сообщение

так и не пришло.

Прикатило такси. Водитель был пожилой, небритый и опухший.

– Был там на днях, – сказал он, трогаясь.

– Где?

– А по вашему адресу, куда едем. Вез одноногую и одно-рукую бабу. У нее вместо ноги протез. И вместо руки протез. Как же ее так угораздило?

И умолк.

Выдрин достал смартфон.

«Тебе лучше?» – написала Лена.

«Хочу тебя увидеть. Сможешь вечером?»

«Пока не знаю. Ты сейчас на работе?»

«Нет. Еду по поводу Диего. Еще у нас директор школы умер. Его медведь сожрал. Представляешь?»

«Ох», – прислала Лена и вышла.

«Что? В чем дело?» – занервничал Выдрин.

Она не возвращалась. Он сунул смартфон в карман и уставился в окно. Остановившись перед светофором на красный свет, водитель стал сильно ерзать о сиденье.

– Вам нехорошо? – спросил Выдрин.

– Порядок! Просто жопа зачесалась.

Потом сказал:

– Вы курящий?

– Нет.

– А можно я закурю? И вам сигарету дам.

– Курите, а я не буду, – сказал Выдрин.

Таксист сунул в рот сигарету, чиркнул зажигалкой и закашлялся так сильно, что вырुлил на встречную полосу.

– Ай, – выдохнул Выдрин и непроизвольно сжал колени.

– Спокойно! – хрипло сказал таксист и вернул машину на свою полосу.

Сзади засигналили. Он мрачно поглядел в зеркало заднего вида:

– Пидор! Повезло тебе, что я с пассажиром.

Выдрин достал смартфон. Лены не было. Он заглянул в школьный учительский чат. Тишина. Понятно, все сейчас на совещании. Поколебавшись, Выдрин снова написал Лене: «Я не понимаю, что происходит. Объясни, пожалуйста, что не так?»

Решив не прикасаться к смартфону ближайшие два часа, Выдрин сунул его в карман. Продержался минут пять. Снова достал. Лена так и не появилась. Хотелось как-нибудь ее мысленно обозвать, только не очень грубо, но в голову ничего подходящего не пришло.

Такси остановилось у серого трехэтажного здания. Оно напоминало гигантский комод. К входу вела небольшая лестница. Над железной дверью висел триколор.

– До свидания, – сказал таксист. – Ставлю вам пять звезд.

– Взаимно, – пробормотал Выдрин.

Поднимаясь по ступенькам, он еще раз проверил смартфон. Лена не появлялась. Он удалил два своих последних

сообщения. Но легче не стало.

Дверь оказалась заперта. Выдрин позвонил в домофон. Ответил строгий мужской голос:

– Слушаю.

– Як капитану Черненко. Он мне назначил на два часа.

– Фамилия?

– Капитан Черненко.

– Ваша фамилия.

– Ой. Моя – Выдрин.

– Как? Мыррин?

– Выдрин.

Домофон издал мурлыканье. Выдрин вошел в просторный, светлый вестибюль. У входа стоял высокий постовой в сером костюме.

– Паспорт.

Выдрин показал.

– Теперь, пожалуйста, выложите все из карманов в лоток.

Он достал смартфон, ключи, бумажник, складной нож, паспорт, шоколадный батончик.

– Это все?

Выдрин обшарил карманы:

– Тут еще какая-то квитанция.

– Доставайте.

Он вытащил сложенный вчетверо лист и кинул в лоток. Постовой развернул.

– Это не мое, – сказал Выдрин. – Один мальчик нарисо-

вал. Я хотел выкинуть. И забыл.

– А зачем вам нож?

– Карандаши точить. Я художник.

Постовой снова посмотрел на рисунок. Потом вручил пропуск:

– Третий этаж.

– Спасибо.

Выдрин поднялся на третий этаж. Коридор освещался тусклыми люминесцентными лампами. Они чуть слышно гудели. Пол поскрипывал. Казалось, на весь этаж нет ни одной живой души. Отыскав нужный кабинет, Выдрин наклонился к двери и прислушался. Тишина. Он посмотрел на табличку с номером, заглянул в пропуск и постучал. Кажется, кто-то отозвался. Выдрин вошел и сначала подумал, что ошибся дверью. Помещение было размером с актовй зал. Свет не горел. Окна были занавешены. У дальней стены стоял стол, освещенный лишь неярко настольной лампой. Там сидел человек. Он махнул рукой и крикнул:

– Выдрин, проходите.

Ступая осторожно, будто по тонкому льду, он подошел к столу. Утомленно прикрыв глаза, капитан Черненко массирует двумя пальцами переносицу. Потом опустил руку на стол и посмотрел из-под брови:

– Что вы стоите? Садитесь.

Выдрин сел на табуретку. Та вдруг затрещала. Он стиснул ягодицы и приподнялся, переместив вес на ноги.

– Лоток принесли? – спросил Черненко.

– Нет. Он у постового. Я туда вещи положил.

– Я про лоток вашего сожителя.

– Вы не просили.

– Разве? Ладно. Пришлю за ним сотрудника. Минуточку.

Черненко поднял крышку ноутбука, пощелкал мышью.

Наклонился к экрану. Что-то напечатал. У Выдринна ломило бедра, колени дрожали. Он попробовал осторожно устроиться, но табуретка опять затрещала и, кажется, пошатнулась. Пришлось снова напрячь ноги.

– А чем вы занимаетесь, Александр Иванович?

– Сижу, – ответил сдавленно Выдрин.

Черненко внимательно посмотрел на него.

– Я имел в виду работу.

– Ах, это. Я учитель ИЗО в школе.

– ИЗО? Это что такое?

– Изобразительное искусство.

– Рисование то есть?

– Ну да, в общем.

– Так бы и сказали. Хм, ИЗО. И как успехи?

Выдрин пожал плечами:

– Ну, потихоньку.

– А это не у вас недавно был скандал с физруком, который украл у старшеклассницы шорты и надел на себя?

– Нет, – выдохнул Выдрин.

Он снова попытался усесться. Тут же напрягся. Поясницу

стало ломить.

– Вы в туалет хотите? – спросил Черненко.

– Нет.

– Хорошо. А то у нас тут авария небольшая. Воды нет. Потерпите. Я долго не задержу.

Он закрыл крышку.

– Скажите, как вы познакомились с вашим сожителем? И как давно он с вами проживает?

Выдрин застонал и выпрямился. Черненко прищурился:

– Что с вами?

– Можно я постою?

– У вас геморрой, что ли?

– Нет.

– Тогда сядьте. Я не люблю, когда над душой стоят.

– Ваша табуретка, кажется, вот-вот развалится.

– Глупости не говорите. Садитесь смело.

– А если она развалится?

– Сядьте, наконец, – сказал Черненко сквозь зубы.

– Я не виноват.

Выдрин сел. Табуретка затрещала, но выдержала.

– В чем не виноват? – спросил Черненко.

– Если табуретка развалится.

– Но она же не развалилась. Вы на ней спокойно сидите.

– Да. Но я думал, она развалится.

– Вы пили сегодня? Принимали какие-то препараты?

– Нет, что вы! Я же с занятий.

– Будто это помеха.

– Я вообще не пью особо. И не курю.

– А бабы?

– Ну, у меня есть девушка.

– Хоть это! Ладно. Хватит кля-кля.

– Кля-кля?

– Да, я говорю, хватит кля-кля. Вернемся к делу. Как вы познакомились с сожителем?

– С котом, да?

– С сожителем! Какая разница, кот он или не кот? Если бы он был человек, вы бы его в третьем лице все время называли человеком? Выдрин, не злите меня. Я ужасно устал. День сегодня тяжелый. Давайте поскорее кончим. Отвечайте.

– Ну, он вообще жил у моей бывшей тещи. Она взяла ко-тенка. Четыре года назад. А потом он как-то ночью обоссал ей ноги. И она отдала его нам с женой. Вот.

– Дальше.

– Потом мы разошлись. И Диего остался у меня.

– Имя ему вы придумали?

– Да, я.

– А теща его как называла?

– Не помню уже.

– Надо вспомнить. Это важно.

– Лысик, кажется.

– Ага, значит, Лысик. Он всегда с вами был?

– Ну да.

– Что, ни разу не сбежал?

– Один раз сбежал на даче. Его мальчишки поймали и принесли.

– И все?

– Кажется, все.

– Дача ваша?

– Бывшей жены.

– Он какой корм обычно ел?

– Ну, я ему покупаю фарш, рыбу, молоко, творог.

– То есть специальными кормами его не кормили?

– Да он их и не ест особо.

– На выставки возили?

– Один раз хотел. Жена хотела, точнее. Но его забраковали. Что-то у него с веками не в порядке.

– Кто еще знаком с вашим сожителем, кроме вас и бывшей жены?

– Теща, например.

– И все?

– Ну, мой друг Дима его знает.

– Полное имя вашего друга?

– Дмитриев Дмитрий Дмитриевич.

– Серьезно? Такое имя?

– Да.

– Он чем занимается?

– Особо ничем. Он сейчас в больнице.

– Что с ним?

– Это психиатрическая больница. Понимаете, он пьет очень много...

– Ясно, – перебил Черненко. – Кто еще?

– Моя девушка.

– Как ее зовут?

– Елена Сергеевна Жамнова.

– Давно они знакомы?

– Года два.

– Она ему дарила подарки?

– Подарки? Нет. Она к нему всегда была равнодушна. «И к тебе, и к тебе», – вмешался гадский внутренний голос.

– Он кусал ее? Царапал?

– Нет. Он очень спокойный и добрый.

– А вас?

– И меня нет. Никого.

– Почему он с вами остался, а не с женой?

– Ну, там отдельная история...

– Рассказывайте.

– Ее новый муж, тогда еще он был не муж, потом стал мужем, он не любит животных.

– И все?

– Все.

– Так это никакая не история. А обстоятельство. – Черненко вздохнул:

– Ну, собственно, больше вопросов к вам не имеется. Давайте пропуск подпишу, и можете идти.

Выдрин протянул листок. Черненко расписался.

– А можно узнать, в чем он провинился?

– Видите ли, дело вашего сожителя содержит государственную тайну. Оно под грифом «совершенно секретно». Понимаете, что это означает?

– Да. И нет. Он же кот! Черненко задумчиво покивал.

– Он в тюрьме сейчас? – спросил Выдрин. – Я могу его увидеть?

– Пока идет следствие, ему разрешены встречи только с адвокатом.

– А у него есть адвокат?

– Нет. Он еще даже не арестован. Пока лишь задержан. Вот когда будет произведен официальный арест, тогда можно будет нанять адвоката.

– Я могу это сделать?

– Конечно. Ваше право.

– Скажите, а если он ни в чем не виноват?

Черненко нахмурился:

– В этом будет разбираться суд.

– Как его накажут, если суд решит, что он виноват?

– По данной статье – вплоть до пожизненного заключения. Но поскольку он кот, скорей всего, просто на живодерню отправят.

Выдрин ахнул.

– Закон суров, но это закон, – сказал Черненко. – Без закона жить нельзя. Без закона мы все превратимся в дикарей.

– Простите, товарищ капитан. А вы...

– Что?

– Вы верите в его виновность?

– Слово «верите» тут неуместно, Выдрин. И потом, я не адвокат и не прокурор. Я – оперативный работник.

– А допрос был?

– Чей? Кого?

– Ну, Диего. Его допрашивали?

Черненко вскинул бровь.

– Александр Иванович, вы в своем уме? Вы же сами талдычите без конца, что он кот. На каком языке его допрашивать? Я, конечно, могу помянуть, но вряд ли это будет то, что надо. А если он меня каким-то чудом поймет, я точно не пойму его. Да и никто не поймет.

Зазвонил телефон. Черненко снял трубку:

– Да. Ну. Слушаю, слушаю, говори. – У него вдруг забегали глаза. Он подскочил. И заорал: – Что-о-о-о?!

«Диего пытался сбежать. Его застрелили», – подумал

Выдрин.

– Да, да, да, – сказал Черненко. – Какой ужас! Какой пиздец! Точно случайно? Какой отдел занимается? Понял. Конец связи!

Черненко рухнул на стул и некоторое время сидел, глядя в одну точку. Трубка в его руке издавала короткие гудки. Выдрин кашлянул. Потом спросил:

– Что-то с Диего?

– А? Да какой там Диего! Погиб наш товарищ. Лейтенант Синявский. Вы его видели. Такой парень! И так глупо! На него шкаф упал. Грузчики поднимали шкаф по лестнице и уронили в пролет. А он в подъезд как раз зашел. Немыслимо!

– Сочувствую, – пробормотал Выдрин.

Черненко покачал головой:

– Вот же беда! Беда, беда, беда. Я сейчас вернусь.

Гулко ступая, он пересек зал и вышел. Выдрин подумал, что сейчас из коридора грохнет выстрел. Но выстрел, конечно, не грохнул. Черненко вернулся с бутылкой водки и двумя стаканами. Налил примерно по сто грамм. Выдрин встал.

– Спи спокойно, – прошептал Черненко и закинул водку в рот.

Помешкав, Выдрин тоже выпил. Некоторое время они молча стояли друг перед другом. Слышно было, как тикают наручные часы. В какой-то момент Выдрину приспичило позевать. Затаив дыхание, он стиснул зубы. Тихонько хрюкнул. Прослезился. И судорожно вздохнул.

– Что вы? – спросил удивленно Черненко и тронул Выдрину за плечо.

– Извините, пожалуйста.

– Нет-нет, я понимаю. Такое известие любого расстроит. Если сердце есть.

Он налил еще по половинке. Выдрин не посмел отказать. И потянулся своим стаканом к стакану Черненко. Тот, к счастью, не заметил. Выпил и издал странный горловой писк.

Прикрыл лицо рукой и немного помял.

– А ты хороший человек, – сказал Черненко. – Я-то сначала думал, ты какой-то пидор, а вот ошибся. И кот у тебя нормальный. Жалко дурака, конечно. Но, может, как-нибудь обойдется. Эх, Игорь, Игорь!

Выдрин хотел сказать, что его зовут Саша, но вовремя спохватился.

Они сели. Табуретка опять затрещала и слегка просела. Выдрина это даже развеселило.

– Женился ведь недавно, представляешь?

– Кто? Вы? Поздравляю.

– Да не я! Игорь. И жена у него такая... Такая... Ох! Надо будет заехать, утешить! – Черненко посмотрел в упор. – Ты не думай, не в этом смысле!

– Да я понимаю. Слушайте...

– Можно на «ты». Меня Иван зовут.

– Иван, а можно я заменю Диего?

– В смысле?

– Пусть меня на живодерню отправят.

– А тебя за что?

– Ну как будто то, что он сделал, сделал я.

– Глупости не говори. Во-первых, ты человек, а не кот. А во-вторых, это не по закону.

– Мне его так жалко. Сердце разрывается.

– Да я понимаю, Сань. По третьей? Я понимаю, – повторил он, разливая. – Я же не зверье, не палач.

Я тоже человек. – Он вдруг шарахнул кулаком по столу и заорал: – Челове-е-е-е-е-ек! – Потом успокоился. – Ищи ему адвоката, короче. Пьем!

Они выпили.

– Пойдем провожу, – сказал Черненко, вставая.

В коридоре Выдрин зачем-то соврал, что у него недавно умерла жена.

– Это та, с которой ты кота делил?

– А, нет, не та. Другая, – забормотал Выдрин. – Потом, после нее встретил. Только поженились, и она умерла.

Черненко обнял его, похлопал по спине и троекратно расцеловал:

– Ну, будь здоров!

– И ты!

– Погодь. Вот мой номер. Если что, звони или пиши.

Он протянул старомодную визитку.

Выдрин спустился. Пьяно ухмыляясь, забрал из лотка свой хлам. Постовой, кажется, принюхивался. Но ничего не сказал. Выдрин вышел на улицу и подумал: «Теперь у меня есть друг в ФСБ. Или это не ФСБ?»

Он чуть было не вернулся уточнить. Но сдержался. Постоял, дыша влажным воздухом. Мысли путались. Хотелось есть. Он обшарил карманы и достал шоколадный батончик. Тот был надкушен. Выдрин хмыкнул, представив, как постовой украдкой вынимает батончик из лотка, быстро откусывает и кладет назад, прикрыв сверху ключами, бумажником

и паспортом. И рисунком Саши Иванова. Выдрин бросил батончик в урну и снова обыскал карманы. Но рисунка не было.

Потоптавшись, он вернулся и позвонил в домофон.

– Слушаю, – ответил строгий мужской голос.

– Я сейчас тут был у вас, у капитана Черненко, я кое-что забыл, кажется, – зачастил Выдрин и слегка протрезвел от волнения. – Видимо, оставил в лотке.

– Фамилия.

– Выдрин. В.Ы.Д.Р.И.Н.

– Минуточку.

Домофон умолк, но Выдрин продолжал стоять, наклонив к нему голову. «Где мне адвоката искать? И денег нет», – подумалось вдруг. Стало тоскливо. Он выпрямился, оглядел свои руки. Ничего особенного. Руки как руки. Умеют правильно рисовать и штриховать. Иногда ласкать женщин: Лену, Ксюшу – бывшую жену.

Где-то вдали прогудел поезд. И тут же ожил домофон.

– В лотке пусто, – сказал строгий голос.

– А, – начал Выдрин и запнулся. – А вы уверены? Это листок, может быть, он просто слился...

Но домофон не ответил.

Потоптавшись, Выдрин спустился, на предпоследней ступеньке оступися, взмахнул руками, устоял и еще чуть-чуть протрезвел. Мимо, громко разговаривая по телефону, прошагал мужчина в синем плаще.

– Подумаешь, замужем. Я же тебя не замуж зову.

Рассеянно поглядев ему вслед, Выдрин вызвал такси.

Неожиданно повезло. По цене «эконома» прислали «комфорт». Он забрался в салон «БМВ» и поздоровался. Водитель поздоровался в ответ и разрешил курить.

– Я не курю, – сказал Выдрин.

– Бросили?

– Нет. Я пробовал пару раз. Но как-то не втянулся.

– Везет, – вздохнул водитель.

– Курите, если хотите.

– Я вот как раз пытаюсь бросить. Тяжело. И кошмары снятся. Вот сегодня приснилось, что я сам сигарета и меня курит какой-то человек. Ноги мои у него во рту, а голову он поджигает.

– Жуть. А как он выглядел?

– Да я толком и не помню. Страшно было. Почему-то мне кажется, он смахивал на моего отца. Хотя папа мой никогда не курил. А мама как раз курила. Хотя почему курила? Она и сейчас курит. Ей семьдесят.

– И как себя чувствует?

– Не очень, конечно. С сосудами проблемы, сердце шалит. Ну и ХОБЛ, конечно.

– Что-что? Хобот?

– ХОБЛ – хроническая обструктивная болезнь легких.

– Надеюсь, поправится.

– Это неизлечимо.

Выдрин не знал, что на это ответить, и лишь замычал, стараясь, чтобы звучало сочувственно. Но вдруг громко и болезненно икнул, так что в горле забурлила кислота. Водитель внимательно посмотрел в зеркальце заднего вида. И больше ничего не говорил. Выдрин достал смартфон. Сообщений не было. Он открыл «Гугл хром» и ввел в строку: «Услуги адвоката». Поисковик выдал больше пяти миллионов результатов. Задремавшая было тоска проснулась и вцепилась в глотку, как голодный дикий зверь. Из магнитолы Майя Кристаллинская запела песню «Нежность», и Выдрин чуть не расплакался.

Он позвонил бывшей жене. Ксения ответила сразу и как будто ничуть не удивилась его звонку.

– Как поживаешь, Саша? – спросила она.

– Ничего хорошего, – ответил он.

– Ты, надеюсь, позвонил не для того, чтобы жаловаться? Пойми правильно, у меня своих забот столько, что на чужие проблемы нет сил.

– А зачем ты тогда спросила, как я поживаю?

– Во-первых, из вежливости. Во-вторых, надеялась, что у тебя все хорошо. Наивно, конечно. Бывшие не звонят друг другу, когда все хорошо.

– Я не собираюсь жаловаться.

– Правда? Значит, у тебя ко мне дело? Ой, погоди, тут Артем пришел. Скажу ему, что ты позвонил.

– Зачем? – спросил Выдрин.

– Потому что у нас нет друг от друга секретов. Каждый раз, когда я контактирую с мужчинами, я ему сообщаю. А он сообщает... Артем, мне бывший муж звонит. Я с ним разговариваю.

Артем что-то ответил.

– Я пойду в комнату. Но могу и при тебе говорить. Так вот, а он мне сообщает о своих контактах с женщинами. Что ты хотел?

– Мне нужен адвокат. Я вдруг вспомнил, что кто-то из твоих родственников был адвокатом.

Ксения не стала спрашивать, зачем ему адвокат. Она сказала:

– Память тебя не подвела, Саша. Адвокатом был Дима. Но, кажется, он забросил практику. Мы давно не общались. Почти год. Или даже больше.

Дима был ее двоюродным братом. Именно он познакомил Выдрину с Ксенией.

– Дима в психушке, – сказал Выдрин.

Ксения опять не стала спрашивать, почему он там оказался.

– Больше у меня нет знакомых адвокатов, – сказала она. – Правда, мой дедушка со стороны мамы был нотариус, но он давно умер.

– Да уж, мертвый нотариус мне не поможет, – сказал Выдрин.

Ксения вдруг захохотала. И сказала не ему:

– Бывший пошутил насчет моего дедушки. Артем что-то пробурчал.

– Не дуйся. Ты все равно лучше.

– Бу-бу-бу.

– Я ведь выбрала тебя, а не его.

– Ксюша, – позвал Выдрин.

– Что?

– Я ведь тут.

– И?

– А ты меня обсуждаешь, будто меня нет.

– Ну, в каком-то смысле тебя и нет.

– Но я же есть. И я живой человек.

– Я понимаю, Саша. Я не хотела тебя обидеть. Правда-правда. У тебя еще ко мне есть какие-то вопросы?

– Нет.

– Тогда я с тобой прощаюсь.

– Пока, – сказал Выдрин.

Он нажал отбой и увидел, что машина уже стоит во дворе его дома. А сам он совсем протрезвел.

– Приехали, – сказал водитель. – Вам здесь удобно? Или к какой-то парадной подъехать?

– Все хорошо. Спасибо.

– До свидания! Удачи вам.

– И вам.

Выдрин вылез из салона. Моросил дождь. На детской площадке собрались местные забулдыги, кричали, смеялись и

пили. Плохая погода их не пугала. Один наклонился, стащил штаны и похлопал себя по ягодицам. Шатаясь, к нему подбежала страшная женщина и выписала поджопник. Он взмахнул руками и рухнул как подстреленный. Выдрин немного завидовал их свободе и беззаботности.

Он пересек двор. У парадной стоял Дима в ношеном синем халате, из-под которого выглядывали пижамные штаны.

– Дима, – сказал Выдрин.

– Саша, – ответил Дима. – Як тебе.

– А я как раз о тебе вспоминал. Тебя что, выпустили из дурдома?

Дима почесал ухо:

– А ты что, сам не видишь? Конечно, меня никто не выпускал. Я сбежал.

Они поднялись в квартиру. Дима снял тапки с босых ног. И переобулся в гостевые выдринские тапки.

– Есть хочешь? – спросил Выдрин.

– Сначала хочу умыться.

Он ушел в ванную. Выдрин переоделся и заглянул к Диме. Тот стоял перед раскрытым шкафчиком и пил одеколон из флакончика.

– Дима! – воскликнул Выдрин. – Перестань! В конце концов, у меня есть водка.

Дима вернул полупустой флакончик на место.

– Говорят, я неизлечим. Врач сказал, что мне поможет только гильотина. Так что и смысла никакого нет торчать

там.

– Как тебе удалось сбежать?

– Да это не так сложно. Понес очистки выбрасывать на помойку и перелез через забор.

– Тебя будут искать.

– Кому я нужен? Я же не маньяк. Вот если бы какой-нибудь людоед сбежал. Кстати, я слышал, во втором корпусе сидят сразу два людоеда. И как только они не сожрали друг друга?

Дима захохотал.

Выйдя на кухню, он сам заглянул в холодильник и достал недопитую «Талку».

– Здравствуй, мама, – сказал Дима.

– Постой. У меня к тебе дело. Оказывается, ты был адвокатом?

– Я и есть адвокат. Только давно не практиковал. Но хватка никуда не делась. Тебе что, нужен адвокат?

– Очень! Моего кота забрали.

Дима стал пить из горла. Его левый глаз сам по себе закрылся. А правый засиял.

– Ну послушай! – сказал Выдрин. – Это важно. Диего забрали в полицию. Или это ФСБ? Я толком не понял. Ему нужен адвокат.

Дима поставил пустую бутылку на стол и сел. Открыл глаз. Приложил ладонь ко лбу и вздохнул.

– Ты слышишь? Его будут судить. Ему грозит пожизнен-

ное. Им плевать, что он кот. Мне ничего не объясняют. Не дают с ним встретиться. Мне сотрудник сказал, что я могу нанять адвоката.

Дима смотрел на него из-под руки.

– У меня есть немного денег. Слушай, если ты не можешь, скажи, к кому обратиться. У тебя ведь наверняка есть знакомые адвокаты.

– Эх, – сказал Дима, – дороги! Пыль да туман. Холода, тревоги да степной бурьян.

И затыкнул:

Знать не можешь доли своей,
Может, крылья сложишь посреди степей.

Выстрел грянет, ворон кружит,
Мой дружок в бурьяне неживой лежит.

Выдрин сел рядом. Покосился на пустую бутылку. И пожалел, что ничего не осталось. Закончив петь, Дима сказал:

– Они охуели! Но я им дам просрать! Сейчас приду в форму и вытащу твоего пацана на волю. А этих пидорасов мы засудим. Думаю, миллиона два точно можно с них слупить. Я до Гааги дойду.

В дверь позвонили. Дима ссутулился.

– Кто это? – спросил он шепотом.

– Сейчас узнаю, – ответил Выдрин, вставая.

– Нет! Не выходи!

– А вдруг это насчет Диего?

Выдрин вышел и посмотрел в глазок. На площадке стоял полный лысый мужчина. Он улыбался.

– Вы к кому? – спросил Выдрин.

– Александр Иванович? Меня зовут Олег Львович Слепых. Мы незнакомы с вами. Я не враг. Не волнуйтесь. Лена Жамнова просила зайти к вам.

Выдрин открыл. Слепых улыбнулся шире. От него пахло дорогим, терпким парфюмом. И одет он был с иголки: плащ, костюм, хорошие ботинки, кожаный портфель.

– Можно войти?

– Конечно.

Выдрин посторонился. Слепых зашел в прихожую, снял плащ и ботинки.

– Давайте в комнате. А то ко мне друг зашел в гости.

– Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить.

– Все в порядке.

Они зашли в комнату. Выдрин торопливо застелил кровать:

– Присаживайтесь.

Слепых взял стул и сел спиной к двери.

– Я пришел, чтобы помочь вам. Лена мой друг. Она позвонила и сказала, что у вас неприятности.

– Вы адвокат?

– Врач, психотерапевт. Не волнуйтесь, пожалуйста. Что вас беспокоит?

– Лена сказала, что у меня крыша поехала? – спросил

Выдрин.

– Вовсе нет. Поймите правильно. Она переживает за вас.

– Значит, вы ее друг?

– Да. Не думайте. У нас ничего никогда не было. Я многим ей обязан.

– Я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной.

– Но так бывает. У меня много друзей среди женщин.

– А у меня нет.

– Вы бы хотели иметь женщин-друзей?

– Иметь?

– Ну, в смысле, чтобы среди ваших друзей было много женщин.

– Не знаю. Мне сейчас не до этого.

– Так что случилось, Александр?

– Я бы рассказал, если бы вы были адвокатом. От врача в этом деле нет никакой пользы.

– Как знать. У меня есть знакомые адвокаты.

– Правда?

– Конечно.

– Вы можете меня с ними свести?

– Не вижу никаких проблем. Но сначала расскажите, что у вас случилось.

– Это дико прозвучит.

– Меня сложно удивить, Саша. Можно вас так называть?

– Да, пожалуйста.

– Что за беда стряслась? – спросил проникновенно Слепых.

– Моего кота забрали в полицию, – сказал Выдрин, глядя в пол. – Или ФСБ. Я точно не понял. Наверное, все-таки ФСБ. Ему грозит пожизненное заключение. А я хочу найти адвоката. Это все ужасно нелепо. Думаю, произошла ошибка.

Он умолк и поднял глаза. Слепых улыбался. Что у него на уме, понять было невозможно. А ответить он не успел. Дверь распахнулась, в комнату с диким воплем ворвался Дима. В руках он держал скалку. Выдрин застыл на вдохе. Слепых не успел даже оглянуться. Описав крутую дугу, скалка долбанула психотерапевта по лысому затылку и, продолжив движение, просвистела в паре сантиметров от выдринского носа. Слепых повалился и глухо стукнулся лбом об пол. Дима по инерции пробежал вперед, наткнулся на кровать и тяжело опустился рядом с Выдриным. Тот сидел, вцепившись пальцами в колени, и не дышал.

– У тебя еще есть выпивка? – немного помолчав, спросил Дима.

– Что? – прошептал Выдрин.

– Водка есть?

– Ты всю выпил.

– Тогда я сваливаю.

Он переступил через тело и вышел. Из прихожей донеслось нервное пение:

– Я по совести указу записался в камикадзе, с полной бом-

бовой загрузкой лечу-у-у...

Потом щелкнул замок, потянуло сквозняком, и хлопнула дверь. Выдрин вздрогнул, разжал пальцы и медленно поднялся. Слепых лежал лицом вниз. На затылке вспухла фиолетовая шишка размером с мандарин. Руки были вытянуты вдоль тела. Почему-то это напугало Выдрину сильнее всего.

– Олег Ив... Петр... Ник... Как вас там? Вы... – Он наклонился, тронул мягкое плечо психотерапевта и чуть надрывно добавил: – Живы?

Чувствуя, как темнеет в глазах, Выдрин осторожно его перевернул. На лбу у Слепых вздулась еще одна шишка, но поменьше, размером с грецкий орех. Выглядела не страшно. Страшно выглядел оскаленный рот и отколотый передний верхний зуб, прилипший к нижней губе. Выдрин отшатнулся и попятился. Под ногой что-то хрустнуло. Он наступил в лоток Диего и сломал решетку. Постояв так несколько секунд, Выдрин высвободился и убежал на кухню. Схватил пустую бутылку. Поставил на место. Сел. Встал. Умылся. Выглянул в окно. Забулдыги все еще резвились на детской площадке, никто их не прогонял. И Дима был с ними. Он взобрался на горку и что-то вешал, размахивая скалкой. А в другой руке, кажется, держал стаканчик.

– Идиот, – пробормотал Выдрин. – Козел! Скотина! Ты что наделал, гад?

Он заорал во весь голос.

И Дима словно услышал. Выпив из стаканчика, он съехал

на заднице с горки и кинулся бежать. Алкаши что-то кричали ему вслед. В какой-то момент Дима подпрыгнул очень высоко и стукнул пяткой о пятку. Тапки слетели. Он наклонился, подобрал их и скрылся в арке.

– Дурак, – тихо сказал Выдрин.

Потом достал смартфон и уставился в свое отражение на черном экране, соображая, куда позвонить в первую очередь. Скорая? Полиция? Врачи уже не помогут. А полиция его же самого и прищучит.

Он нажал иконку вызова. Лена ответила сразу, но с заметной опаской в голосе:

– Да, Саша?

– Это я, – глупо сказал Выдрин.

– Я знаю. Что-то случилось?

– Ко мне пришел твой друг. Психиатр. Олег.

– Та-а-ак.

– Забыл фамилию и отчество.

– Львович Слепых. Он и правда просто друг. Вы поговорили? Что он тебе сказал?

– Ну, он не успел много сказать.

– В смысле? Погоди. Что там у вас случилось, Саша? Выдрин молчал.

– Але, але! Что ты сделал?

– Я ничего не сделал.

– Почему ты молчишь? Где Олег?

– Я подбираю слова. Не могу сформулировать...

В дверь позвонили.

– Ой, это, наверно, Дима вернулся, – сказал Выдрин.

– Какой Дима? Из дурдома?

– Я перезвоню.

Он нажал отбой и побежал в прихожую. На площадке топтался мужчина лет тридцати, в кожаном пиджаке. Рассмотрев его в глазок, Выдрин спросил:

– Вы к кому?

Мужчина наклонился и сказал прямо в глазок.

– Выдрин Александр Иванович? Лейтенант Пахомов, управление «Ч».

– А что вы хотели?

Он снова наклонился. Был виден только его рот.

– Откройте немедленно дверь. Не создавайте себе лишних проблем.

Выдрин побежал в комнату, преследуемый короткими, злыми звонками. Сначала он собирался утащить тело в ванную. Но психотерапевт оказался чересчур тяжелым. Пришлось бы потратить целую вечность на его перемещение. Под кровать он тоже не помещался. Та была слишком низкой. Пахомов между тем утопил кнопку звонка и не отпускал. Выдрин беспомощно посмотрел на шкаф. Перевел взгляд на потолок. И подумал: «Да что же это такое-то».

Сверху что-то стукнуло. Илья Абрамович был стар, слаб и часто ронял различные предметы. В дверь тоже стучали. Выдрин разобрал постель, втащил на кровать тело и накрыл

с головой одеялом. Перед глазами мелькали белые точки. Руки и ноги мелко тряслись. Адреналин зашкаливал. Он вдруг понял, что не сможет идти на своих двоих. Дверь, кажется, уже трещала под ударами. Выдрин встал на четвереньки и посеменил, чувствуя себя старой коровой, которую тащат на веревке под нож мясника. В прихожей он кое-как выпрямился, хватаясь за косяк, и открыл дверь, стоя на коленях.

Пахомов запнулся на полуслове, огляделся, нахмурился и спросил:

– Что вы делаете?

– Я болен, – ответил Выдрин и неожиданно для себя заплакал.

– Встать можете?

Выдрин одновременно покачал головой и пожал плечами. Слезы бежали ручейками и собирались в уголках рта. Он закрыл руками лицо и длинно шмыгнул носом. Пахомов осторожно вошел и кашлянул.

– Александр Иванович, – обратился он. – Давайте мы встанем. Давайте?

– Я не могу, – проскулил Выдрин.

– Надо, надо. Ну что вы, взрослый мужчина. У вас что-то болит? Дайте руку! И другую дайте. Ну-ка!

Он крепко ухватил запястья и вытянул Выдрину в полный рост.

– Платок есть? Нет? Возьмите бумажный.

– Не надо, пожалуйста, я не хочу. Мне плохо.

– Послушайте, успокойтесь. Вам надо прийти в себя. У меня важное дело. Но долго я вас не задержу.

Выдрин шатался и прикладывал к лицу салфетку.

– Мне придется отхлестать вас по щекам, – сказал Пахомов. – А делать этого я не хочу. Рука у меня тяжелая.

– Подождите, сейчас.

Выдрин приложил платок к носу и крепко высморкался.

– Во-от, хорошо, – одобрил Пахомов. – Возьмите еще, у вас сопля из ноздри торчит.

– Спасибо.

Он высморкался еще раз и спрятал платки в карман.

– Что с вами такое? – спросил Пахомов.

– Много всего, – ответил Выдрин.

– Бывает. Но раскисать нельзя.

– Я понимаю.

– Хорошо. Где лоток?

– Что?

– Лоток, говорю, где?

– Какой лоток?

Выдрин вспомнил тот, в который выкладывал вещи.

– Лоток вашего сожителя. Капитан Черненко прислал меня забрать его.

– Вот в чем дело. Я и забыл.

– А вы что подумали?

Выдрин пожал плечами.

– Что я пришел вас забирать, а? – подвигнул Пахомов. –

Ну, где лоток-то?

– В комнате, там, – сказал Выдрин.

Он вспомнил о психотерапевте. И оцепенел.

– Давайте я сам принесу.

– Ничего, ничего. Я справлюсь. Он же на видном месте?

Натягивая латексные перчатки, Пахомов зашагал по коридору. На пороге комнаты он остановился, явно разглядывая кровать. Потом вошел. Слышно было, как он кашлянул. И что-то пробормотал. Выдрин не мог пошевелиться. Ноги будто приросли к полу. Он пытался сообразить, была ли на полу кровь. И не мог. В голове все перемешалось. Ни к селу ни к городу вспомнил, как уходила Ксения. Артем помогал ей носить вещи в машину. Выдрин сидел на кухне и ждал, когда они закончат. Ждать пришлось долго. Они, как нарочно, не торопились. Наконец Ксения крикнула из прихожей:

– Мы все. Чао, не скучай! – И захлопнула дверь.

А Выдрин поставил на плиту сковородку и высыпал на нее замороженную овощную смесь из пакета: брокколи, стручковая фасоль, брюссельская капуста, морковь и горошек. Приготовил себе красочный и пресный ужин. Диего запрыгнул ему на колени. Выдрин погладил кота между ушей и сказал:

– Ты такое есть не будешь.

Пахомов вышел из комнаты с пакетом из «Перекрестка». Лоток лежал внутри.

– Вы что, наступили в него? – спросил он тихо.

– Да, – ответил Выдрин.

Голос прозвучал откуда-то со стороны, будто за него ответила дверь в туалет.

– Все, Александр Иванович, я уйду.

– Хорошо.

– Вызовите врача. Выглядите вы не очень.

– Да, вызову. Как скажете.

– Всего хорошего. Привет жене!

Пахомов вышел и закрыл за собой дверь. Выдрин немного опомнился, защелкнул замок и, с трудом переставляя ноги, добрался до кухни. Там он умылся дрожащими руками и выглянул в окно. Забудыги разошлись. Остался один. Он лежал, свернувшись калачиком, в песочнице. Неподалеку прогуливалась женщина с коляской. Появился Пахомов. Помахивая пакетом, он пересек двор и исчез в арке.

Выдрин позвонил Лене. Она ответила сразу:

– Да, Серёжа.

– Я не Серёжа.

– Извини, Саша. Мне сейчас муж звонил. Он уезжает надолго, детей не сможет забирать.

– Бывший, – сказал Выдрин.

Лена промолчала.

– Бывший же?

– Ну, бывший, бывший! Чего ты цепляешься постоянно? Ясно же, что бывший.

– Если ты считаешь, что я к тебе цепляюсь, могу и отцепиться, – сказал Выдрин.

– Ой, ну все, началось! Может, созвонимся, когда ты успокоишься? Или больше не будем созваниваться? Ты сам как хочешь?

– А ты как хочешь?

– Давай-ка уж лучше ты скажи.

– Ты меня любишь?

– Ой, Саша, как я устала от всего! Хочется покоя, понимаешь? А не вот этого дерганья постоянного, придировок, претензий и нытья. Да, Саша, нытья! Ты себя иногда ведешь так, будто тебе лет пятнадцать. Но ты взрослый мужчина, ты даже был женат. Что с тобой происходит? Хватит с меня мужа! Да, бывшего, бывшего! Он мне весь мозг вынес. А еще его мамаша. Говорит, мама будет за детьми приезжать. Да я про эту старую гадину даже слышать не могу. Не то что видеть и детей ей отдавать. Знаешь, как мне нужна сейчас поддержка?! Ты хоть представляешь? Но нет! Какое там!

Лена заплакала. И Выдрин стал утешать ее. Ничего толкового в голову не пришло. И он лишь бормотал:

– Леночка, ну прости. Я не хотел тебя расстраивать. Не плачь, пожалуйста. Я не в себе. Леночка, милая, успокойся, пожалуйста.

– Поздно, – ответила она сквозь слезы. – Слишком поздно, Саша. Раньше надо было.

– Леночка, я люблю тебя, прости. Я очень скучаю.

Вскоре она перестала плакать, но продолжала слушать его лепет. И Выдрин послушно говорил и говорил. Он чувство-

вал себя виноватым и решил не останавливаться, пока Лена его не прервет. Но вышло иначе. Из комнаты донесся звук. Сначала показалось, будто там скулит щенок. Потом стало похоже на плач ребенка. Выдрин умолк. Сердце стучало быстро и громко. Не давало прислушаться.

Лена кашлянула и сказала:

– Ох, Саша, Саша. Ну я даже не знаю. Как-то все не так. Мне надо подумать, разобраться в себе. И тебе бы тоже не помешало это сделать. Может, тебе обратиться... – Она резко замолчала. – Постой, постой. Я совсем забыла. Ты же звонил сегодня насчет Олега. А потом к тебе Дима пришел. Правильно? Ты ведь собирался мне что-то рассказать.

Выдрин слушал, приоткрыв рот, но слушал не ее.

– Ты там? – спросила Лена.

– Ага.

– Так что ты хотел сказать? Ты поговорил с Олегом? А Дима откуда взялся? Он же в дурдоме, ты говорил.

– Леночка, я перезвоню.

Он вышел из кухни. Постоял. Теперь плач слышался отчетливо. Выдрин прокрался по коридору и заглянул в комнату. Слепых сидел с ногами на кровати. Он держался за голову и плакал. Лицо покраснело и распухло. Шишка на лбу стала больше. Глаза разъехались и смотрели в разные стороны.

– Олег Львович, – прошептал Выдрин. – Вы живы!

– Баба, деда, – ответил психотерапевт. – Козья попка.

Затем встал на четвереньки и, будто норная собака, начал рыть постельное белье. Плакать он прекратил.

Из носа свисала длинная толстая сопля. Она покачивалась.

– Мать твою, – прошептал Выдрин и сам схватился за голову.

– Мать мою, – повторил Слепых, повернулся и замер. Они смотрели друг на друга. Взгляд психотерапевта был пустым, бессмысленным. Слепых вдруг улыбнулся щербатым ртом, почесал зад и залез под одеяло.

– Олег Львович, – беспомощно позвал Выдрин. – Я не виноват. Простите меня.

Тот не шевелился.

– Вы слышите? Вы помните что-нибудь? Как вас зовут? Адрес помните?

Ответа не было. Выдрин засуетился:

– Олег Львович! Все будет хорошо! Сейчас я...

Он убежал на кухню и позвонил Лене.

– Саша? – сказала она.

– Я насчет Олега твоего.

– Он не мой.

– Ну он сказал, что он твой друг и многим тебе обязан.

– Да, все правильно. Но ты говоришь так, будто бы он мой любовник.

– Вот еще! Я такого даже близко не имел в виду.

– Ты лукавишь, Саша. Зачем ты все время пытаешься ме-

ня уязвить, поставить в положение, когда я должна оправдываться, объяснять? Это что, доставляет тебе удовольствие?

– С Олегом случилась беда, – сказал Выдрин.

Лена несколько секунд молчала. Потом спросила дрогнувшим голосом:

– Он жив?

– Жив, но...

– Что «но»?

Выдрин рассказал.

– Пиздец! – ответила Лена.

И тут же где-то вдалеке детский голос подхватил это слово и стал радостно повторять.

– Не смей! – крикнула Лена. – Глеб, я кому сказала?! Перестань немедленно, а то по жопе получишь!

Малыш заплакал.

– Глебушка, иди ко мне, маленький. Мама не на тебя злится. Ты плохое слово сказал. Мама сама виновата. Но у мамы нервы.

– Лена, что мне делать?

– Саша, а напости еще раз, сколько тебе лет?

– Тридцать пять.

– Вот Глебу шесть. Так он и то знает, что нужно делать.

– Что? – спросил Выдрин, сглотнув.

– Издеваешься? Ладно, сейчас я позову Глеба, он тебе скажет.

– Не надо, пожалуйста.

Но было поздно. Детский голосок заорал прямо в ухо:

– Але-е-е-о-о-о-о!

Выдрин поморщился.

– Глеб, скажи дяде, что нужно делать, когда кто-то заболел? – спросила Лена.

– Надо позвать влаца, – ответил малыш.

– Правильно, сынок. А теперь скажи это дяде. А то он сам не знает.

– Надо позвать влаца, – сказал Глеб.

– Спроси, он понял?

– Понял? – спросил Глеб.

Выдрин молчал.

– Что он ответил? – спросила Лена.

– Нитего.

– Молчит?

– Да.

– Спроси еще раз.

– Понял? – спросил Глеб. – Надо позвать влаца.

– Я понял, – сказал Выдрин.

– Он понял.

– Наконец-то. Дай мне телефон.

– А кто этот дядя? – спросил Глеб снова издалека. – Длуг папы?

– Нет. Иди вымой руки. Скоро ужин. Саша, ты там?

– Тут, – ответил Выдрин.

– Есть еще вопросы?

– Нет.

– Хорошо. Вызывай уже «скорую»! – И добавила мимоходом: – Господи, что в голове у людей?!

А потом отключилась.

Выдрин изо всех сил стиснул смартфон. Хотелось, чтобы он хрустнул под пальцами и распался на части. Но китайский аппарат оказался прочным, даже не скрипнул. В отражении черного экрана собственное лицо показалось Выдрину уродливым, сползшим вниз. Он скривился. И швырнул смартфон об стену. Тот отскочил, будто теннисный мячик, и долбанул его по лбу. Выдрин крикнул, попятился и шлепнул ладонью по ушибленному месту. Перед глазами вспыхивали салюттики. Почудилось, что Слепых издевательски ржет над ним из комнаты. Над правой бровью налилась небольшая шишка. Выдрин щупал ее и болезненно морщился.

Надо было звонить в «скорую». Он подобрал смартфон. Экран разбился вдребезги и не зажегся, когда Выдрин нажал кнопку включения.

– Мудила, – пробормотал Выдрин и кинул смартфон в мусорное ведро.

Запасного телефона у него не было.

Он вернулся в комнату, стащил с психотерапевта одеяло. Тот зажмурился и сморщил нос.

– Олег Львович, ох, е-мое, а у вас есть телефон?

Слепых закрыл лицо ладошками, но подглядывал между пальцев.

– Телефон, те-ле-фон! – произнес по слогам Выдрин громко и отчетливо, как будто это могло вдруг привести психотерапевта в чувство. – Але, але! – Он приставил к уху кулак. – Понимаете? Телефон!

– Але! – закричал в ответ Слепых. – Але, хули молчишь?! Але, бля, хули молчишь? Але, отвечай, тебе говорят! Слышь, але, бля!

Выдрин ощупал его карманы. Нашел бумажник, носовой платок и презерватив. Психотерапевт, глядя на свои вещи, умолк. Показалось даже, что взгляд его ненадолго прояснился. Словно он что-то вспомнил. Но затем Слепых высунул язык и потянулся кончиком к левой ноздре. Видеть это было невыносимо. У Выдрина сжалось сердце. Он коротко хныкнул и вытер подступившие слезы. Затем стиснул зубы и сказал сам себе:

– Соберись, тряпка!

Не сработало.

Еще минут десять он сидел рядом с психотерапевтом, утирая глаза и шмыгая носом. Вспомнил Диего, вспомнил Юру Климова, вспомнил бросившую его Ксюшу, вспомнил Лену, которая, кажется, тоже его бросила.

И жалел себя и всех. Слепых между тем прикрыл глаза и тяжело дышал. В носу у него свистело.

– Олег Львович.

Выдрин тронул его за руку. Слепых с трудом приоткрыл один глаз. И тут же закрыл.

«Все, отходит», – промелькнуло в голове.

Вспомнилось, как умер дедушка. Выдрину было семь лет. Дедушка лежал в больнице. Они с мамой навестили его. Она тогда сказала:

– Смотри, кого к тебе привела.

И вышла из палаты. Выдрину было немного неловко. Он любил дедушку и жалел. Но что нужно сказать, не знал.

– Александр, ну, как у тебя дела, мой мальчик? – спросил дедушка.

– Хорошо, – проямлил Выдрин.

Дедушка, улыбнулся, покивал, а потом закатил глаза и захрипел. Выдрин стоял и тарасился, приоткрыв рот. Соседи по палате занимались своими делами (спали и читали газеты) и ничего не замечали. Дальнейшее помнилось смутно. Кажется, он так и стоял, пока мама не вернулась. А может, выбежал и позвал ее? Так или иначе, но она зачем-то сказала:

– Нет-нет, ты ошибся, дедушка просто устал и спит.

Соседи услышали и немножко зашевелились.

Похороны начисто выпали из памяти. Дедушку сожгли в крематории. С этим было связано какое-то сильное переживание, но Выдрин забыл, какое именно. И, наверное, к счастью.

Он встал и вышел в прихожую. Обшарив карманы плаща, нашел лишь скомканную бумажку. Это был аптечный чек. «Ципрамил. Виагра. Донормил. Компливит». Выдрин сунул чек назад и вышел из квартиры. На лестнице пахло жареным

мясом. За дверью соседней квартиры громко работал телевизор. Выдрин позвонил. В животе у него урчало от запаха еды. Он подумал, что, как только сбегрит Слепых врачам, сходит в магазин, купит огромный кусок вырезки и сам жарит с разными специями и овощами. От таких мыслей настроение улучшилось. И ему стало немного стыдно.

Но никто из соседей так и не открыл. Лишь в одной квартире залаяла собака. Выдрин вернулся к той, в которой орал телевизор. Хотел постучать, но почему-то не решился. Поднялся этажом выше и позвонил в квартиру Ильи Абрамовича.

– Это вы, Выдрин? – спросил тот через дверь.

– Да, я, – ответил Выдрин.

– Какая-то сволочь заляпала глазок, теперь мутно видно.

Выдрин плюнул на него и протер рукавом.

– Теперь вижу, – сказал Илья Абрамович и открыл. Вид у него был недовольный. В руке он держал надкушенный бутерброд с сыром.

– Можно позвонить от вас? – спросил Выдрин.

– Что за дурацкие вопросы? Конечно, можно!

Он вошел в маленькую прихожую. На тумбочке стоял старомодный дисковый телефон. Выдрин снял трубку, крутанул диск и на секунду почувствовал себя ребенком. В детстве он часто звонил с точно такого же аппарата в «Сказку по телефону». Илья Абрамович ушел на кухню.

– «Скорая помощь», – ответил женский голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.